

Сто восьмая улица

В нашем районе произошла такая история. Маруся Татарович не выдержала и полюбила латиноамериканца Рафаэля. Года два колебалась, а потом, наконец, сделала выбор. Хотя, если разобраться, то выбирать Марусе было практически из чего.

Вся наша улица переживала - как будут развиваться события? Ведь мы к таким делам относимся серьезно.

Мы - это шесть кирпичных зданий вокруг супермаркета, населенных преимущественно русскими. То есть недавними советскими гражданами. Или, как пишут газеты - эмигрантами третьей волны.

Наш район тянется от железнодорожного полотна до синагоги. Чуть севернее - Мидоу-озеро, южнее - Квинс-бульвар. А мы - посередине. 108-я улица - наша центральная магистраль.

У нас есть русские магазины, детские сады, фотоателье и парикмахерские.

Есть русское бюро путешествий. Есть русские адвокаты, писатели, врачи и торговцы недвижимостью. Есть русские гангстеры, сумасшедшие и проститутки. Есть даже русский слепой музыкант.

Местных жителей у нас считают чем-то вроде иностранцев. Если мы слышим английскую речь, то настораживаемся. В таких случаях мы убедительно просим: - Говорите по-русски!

Иностранка

В результате отдельные местные жители заговорили по-нашему. Китаец иззакусочной приветствует меня:

- Доброе утро, Солженицын!

(У него получается - "Солозениса".)

К американцам мы испытываем сложное чувство. Даже не знаю, чего в нем больше - снисходительности или благоговения. Мы их жалеем, как неразумных беспечных детей. Однако то и дело повторяем:

"Мне сказал один американец..."

Мы произносим эту фразу с интонацией решающего, убийственного аргумента. Например:

"Мне сказал один американец, что никотин приносит вред здоровью!.."

Здесьние американцы, в основном, немецкие евреи. Третья эмиграция, за редким исключением - еврейская. Так что найти общий язык довольно просто. То и дело местные жители спрашивают:

- Вы из России? Вы говорите на идиш?

Помимо евреев в нашем районе живут корейцы, индусы, арабы. Чернокожих у нас сравнительно мало. Латиноамериканцев больше.

Для нас это загадочные люди с транзисторами. Мы их не знаем. Однако на всякий случай презираем и боимся. Косая Фрида выражает недовольство:

- Ехали бы в свою паршивую Африку!..

Сама Фрида родом из города Шклова. Жить предпочитает в Нью-Йорке...

Если хотите познакомиться с нашим районом, то встаньте около канцелярского магазина. Это на перекрестке Сто восьмой и Шестидесят четвертой. Приходите как можно раньше.

Вот разъезжаются наши таксисты: Лева Баранов, Перцович, Еселевский. Все они коренастые, хмурые, решительные.

Леве Баранову за шестьдесят. Он бывший художник-молотовист. В начале своей карьеры Лева рисовал исключительно Молотова. Его работы экспонировались в бесчисленных домоуправлениях, поликлиниках, месткомах. Даже на стенах бывших церквей.

Баранов до тонкостей изучил наружность этого министра с лицом квалифицированного рабочего. На пари рисовал Молотова за десять секунд. Причем рисовал с завязанными глазами.

Потом Молотова сняли. Лева пытался рисовать Хрущева, но тщетно. Черты зажиточного крестьянина оказались ему не по силам.

Такая же история произошла с Брежневым. Физиономия оперного певца не давалась Баранову. И тогда Лева с горя превратился в абстракциониста. Стал рисовать цветные пятна, линии и завитушки. К тому же начал пить и дебоширить.

Соседи жаловались на Леву участковому милиционеру:

- Пьет, дебоширит, занимается каким-то абстрактным цинизмом...

В результате Лева эмигрировал, сел за баранку и успокоился. В свободные минуты он изображает Рейгана на лошади.

Еселевский был в Киеве преподавателем марксизма-ленинизма. Защитил кандидатскую диссертацию. Готовился стать доктором наук.

Как-то раз он познакомился с болгарским ученым. Тот пригласил его на конференцию в Софию. Однако визы Еселевскому не дали. Видимо, не хотели посылать за границу еврея.

У Еселевского первый раз в жизни испортилось настроение. Он сказал:

- Ах, вот как?! Тогда я уеду в Америку!

И уехал.

На Западе Еселевский окончательно разочаровался в марксизме. Начал публиковать в эмигрантских газетах запальчивые статьи. Но затем, он разочаровался и в эмигрантских газетах. Ему оставалось только сесть за баранку...

Что касается Перцовича, то он и в Москве был шофером. Таким образом, в жизни его мало что изменилось. Правда, зарабатывать он стал гораздо больше. Да и такси здесь у него было собственное...

Вот идет хозяин фотоателье Евсей Рубинчик. Девять лет назад он купил свое предприятие. С тех пор выплачивает долги. Оставшиеся деньги уходят на приобретение современной техники.

Десятый год Евсей питается макаронами. Десятый год таскает он армейские ботинки на литой резине. Десятый год его жена мечтает побывать в кино.

Десятый год Евсей утешает жену мыслью о том, что бизнес достанется сыну. Долги к этому времени будут выплачены. Зато - напоминаю я ему - появится более современная техника...

Вот спешит за утренней газетой начинающий издатель Фима Друкер. В Ленинграде он считался знаменитым библиофилом. Цельми днями пропадал на книжном рынке. Собрал шесть тысяч редких, даже уникальных книг.

В Америке Фима решил стать издателем. Ему не терпелось вернуть русской литературе забытые шедевры - стихи Олейникова и Хармса, прозу Добычина, Агеева, Комаровского.

Друкер пошел работать уборщиком в торговый центр. Жена его стала медсестрой. За год им удалось скопить четыре тысячи долларов.

На эти деньги Фима снял уютный офис. Заказал голубоватые фирменные бланки, авторучки и визитные карточки. Нанял секретаршу, между прочим - внучку Эренбурга.

Свое предприятие он назвал - "Русская книга".

Друкер познакомился с видными американскими филологами - Романом Якобсоном, Малмстедом, Эдвардом Брауном. Если Роман Якобсон упоминал малоизвестное стихотворение Цветаевой, Фима торопился добавить:

- Альманах "Мосты", тридцатый год, страница двести шестьдесят четвертая.

Филологи любили его за эрудицию и бескорыстие.

Фима посещал симпозиумы и конференции. Беседовал в кулуарах с Жоржем Нива, Оттенбергом и Райнтом. Переписывался с Верой Набоковой. Бережно хранил полученные от нее телеграммы:

"Решительно возражаю". "Категорически не согласна". "Условия считаю неприемлемыми". И так далее.

Он заказал себе резиновую печать: "Ефим Г. Друкер, издатель".
Далее
эмблема - заложенный гусиным пером фолиант - и адрес. На этом
деньги
кончились.

Друкер обратился к Михаилу Барышникову. Барышников дал ему
полторы
тысячи и хороший совет - выучиться на массажиста. Друкер пренебрег советом
и
уехал на конференцию в Амхерст. Там он познакомился с Вейдле и
Карлинским.
Поразил их своими знаниями. Напомнил двум ученым старикам множество
забытых
ими публикаций.

На обратном пути Друкер заехал к Юрию Иваску. Неделю жил у
старого
поэта, беседуя о Вагинове и Добычине. В частности, о том, кто из них
был
гомосексуалистом.

И снова деньги кончились.

Тогда Фима продал часть своей уникальной библиотеки. На
вырученные
деньги он переиздал сочинение Фейхтвангера "Еврей Зюсс". Это был
странный
выбор для издательства под названием "Русская книга". Фима предполагал,
что
еврейская тема заинтересует нашу эмиграцию.

Книга вышла с единственной опечаткой. На обложке было крупно
выведено:
"ФЕЙХТВАГНЕР".

Продавалась она довольно вяло. Дома не было свободы, зато
имелись
читатели. Здесь свободы хватало, но читатели отсутствовали.

Жена Друкера тем временем подала на развод. Фима перебрался в офис.

Помещение было уставлено коробками с "Евреем Зюссом". Фима спал на
этих
коробках. Дарил "Еврея Зюсса" многочисленным приятелям.
Расплачивался
книгами с внучкой Эренбурга. Пытался обменять их в русском магазине
на
колбасу.

Самое удивительное, что все, кроме жены, его любили...

Вот раскладывает свой товар хозяин магазина "Днепр" Зяма Пивоваров.

В Союзе Зяма был юристом. В Америке с первых же дней работал
грузчиком
на базе. Затем перешел разнорабочим в овощную лавку. И через год эту
лавку
купил.

Отныне ее снабжала товарами знаменитая фирма "Демша и Разин".
Здесь
продавалось вологодское масло, рижские шпроты, грузинский чай,
украинская
колбаса. Здесь можно было купить янтарное ожерелье, электрический
самовар,
деревянную матрешку и пластинку Шаляпина.

Трудился Зяма чуть ли не круглые сутки. Это было редкостное
единение
мечты с действительностью. Поразительная адекватность желаний
и
возможностей. Недостигаемое тождество усилий и результатов...

Зяма кажется мне абсолютно счастливым человеком. Продовольствие - его стихия. Его биологическая среда.

Зяма соответствует деликатесной лавке, как Наполеон - Аустерлицу. Среди деликатесов Зяма так же органичен, как Моцарт на премьеры "Волшебной флейты".

Многие в нашем районе - его должники.

Около рыбного магазина гуляет с дворнягой публицист Зарецкий. Он в гимнастическом костюме со штрипками, лысина прикрыта целлофановым мешком.

В Союзе Зарецкий был известен популярными монографиями о деятелях культуры. Параллельно в самиздате циркулировали его анонимные исследования. В частности - объемистая неоконченная книга "Секс при тоталитаризме". Там

говорилось, что девяносто процентов советских женщин - фригидны.

Вскоре карательные органы идентифицировали Зарецкого. Ему пришлось уехать. На таможне он сделал историческое заявление:

- Не я покидаю Россию! Это Россия покидает меня!..

Всех провожавших он спрашивал:

- Академик Сахаров здесь?..

За минуту до посадки он решительно направился к газону. Хотел увести на чужбину горсточку русской земли.

Милиционеры прогнали его с газона. Тогда Зарецкий воскликнул:

- Я уношу Россию на подошвах сапог!..

В Америке Зарецкий стал учителем. Он всех учил. Евреев - православия,

славян - иудаизму. Американских контрразведчиков - бдительности.

Всеми силами он боролся за демократию. Он говорил:

- Демократию надо внедрять любыми средствами. Вплоть до атомной бомбы!

Как известно, чтобы быть услышанным в Америке, надо говорить тихо.

Зарецкий об этом не догадывался. Он на всех кричал. Зарецкий кричал на

работников социального обеспечения. На редактора ежедневной эмигрантской

газеты. На медсестер в больнице. Он кричал даже на тараканов.

В результате его перестали слушать. Тем не менее он посещал все

эмигрантские сборища и кричал. Он кричал, что западная демократия под

угрозой. Что Джеральдин Ферраро - советская шпионка. Что американской

литературы не существует. Что в супермаркетах продается искусственное

мясо. Что Гарлем надо разбомбить, а велфер увеличить.

Зарецкий был профессиональным разрушителем. Инстинкт разрушения

приобретал в нем масштабы творческой страсти.

В его руках немедленно ломались часы, магнитофоны, фотоаппараты.

Выходили из строя калькуляторы, электробритвы, зажигалки.

Зарецкий поломал железный турникет в сабвее. Его телом

надолго заклинило вертящиеся двери Сити-холла.

Встречая знакомого, он говорил:

- Что происходит, милейший? Ваша жена физически опустилась. Сын, говорят, попал в дурную компанию. Да и у вас нездоровый румянец. Пора, мой дорогой, обратиться к врачу!..

Как ни странно, Зарецкого уважали и побаивались...

Вот появляется отставной диссидент Караваев. В руках, у того коричневого пакет. Сквозь бумагу выступают очертания пивных жестянок. На лице Караваева

- сочетание тревоги и энтузиазма.

В Союзе он был известным правозащитником. Продемонстрировал в борьбе с режимом исключительное мужество. Отбыл три лагерных срока. Семь раз объявлял голодовки. Оказываясь на воле, принимался за старое.

В молодости Караваев написал такую басню. Дело происходит в зоопарке.

Около клетки с пантерой толпится народ. Внизу - табличка с латинским названием. И сведения - где обитает, чем питается. Там же указано - "в неволе размножается плохо". Тут автор выдерживает паузу и спрашивает:

"А мы?!.."

После третьего срока Караваева отпустили на Запад. Первое время он давал интервью, ездил с лекциями, учреждал какие-то фонды. Затем интерес к нему поубавился. Надо было думать о пропитании.

Английского языка Караваев не знал. Диплома не имел. Его лагерные профессии - грузчика, стропалы и хлебореза - в Америке не котировались.

Караваев сотрудничал в русских газетах. Писал он на единственную тему - будущее России. Причем будущее он различал гораздо яснее, чем настоящее. С пророками это бывает.

Америка разочаровала Караваева. Ему не хватало здесь советской власти, марксизма и карательных органов. Караваеву нечего было противостоять.

Лагерные болезни давали ему право на инвалидность. Караваев много пил, а главное - опохмелялся. Благо пивом в нашем районе торгуют круглые сутки. Таксисты и бизнесмены поглядывали на Караваева свысока...

Вот садится за руль "шевроле" таинственный общественный деятель Лемкус.

В Союзе Лемкус был профессиональным затейником. Организовывал массовые гуляния. Оглашая торжественные здравицы в ходе первомайских демонстраций.

Писал юбилейные речи, кантаты, стихотворные инструкции для автолюбителей.

Подрабатывал в качестве тамады на молодежных свадьбах. Сочинял цирковые репризы:

- Вася, что случилось? Почему ты грустный?

- На моих глазах человек упал в лужу.

- И ты расстроился?

- Еще бы! Ведь этим человеком был я!..

Уехал Лемкус в результате политических гонений. А гонения, в свою

очередь, явились результатом кошмарной нелепости.

Вот как это было. Лемкус написал кантату, посвященную 60-летию вооруженных сил. Исполнялась кантата в Доме офицеров. Текст ведущего читал сам Лемкус.

За его спиной расположился духовой оркестр. В зале собралось более шестисот представителей армии и флота. Динамики транслировали кантату по всему городу.

Все шло прекрасно. Декламируя кантату, Лемкус попеременно натягивал солдатскую фуражку или матросскую бескозырку.

В заключительной части кантаты были такие слова:

И, сон наш мирный защищая,
Вы стали тверже, чем гранит.
За это партия родная
Достойных щедро наградит!..

Последнюю фразу Лемкус выкрикнул с особой горячностью - "достойных щедро наградит!". И в эту минуту ему на голову упал сценический противовес.

То есть, попросту говоря, брезентовый мешок килограммов на двенадцать.

Лемкус потерял сознание. Зрителям оставались видны лишь стоптанные подошвы его концертных туфель.

Через три секунды в проходах забегали милиционеры. Еще через три секунды зал был полностью оцеплен. Лемкуса привели в сознание, чтобы немедленно арестовать.

Майор КГБ обвинил его в продуманной диверсии. Майор был уверен, что Лемкус заранее все рассчитал и подстроил. То есть сознательно обрушил мешок

на голову ведущему, чтобы дискредитировать коммунистическую партию.

- Но я же сам и был ведущим, - оправдывался Лемкус.

- Тем более, - говорил майор.

Короче, Лемкус подвергся гонениям. Его лишили права заниматься идеологической работой. О другой работе Лемкус и не помышлял.

В конечном счете, Лемкусу пришлось эмигрировать. Месяца четыре он работал по специальности. Организовывал массовые поездки эмигрантов к Ниагарскому водопаду. Выступал тамадой на бармицвах. Писал стихи, рифмованные объявления, здравицы, кантаты. Мне, например, запомнились такие его строчки:

От КГБ всю жизнь страдая,
Мы помним горечь всех обид!
Пускай Америка родная
Нас от врагов предохранит!

Однако платили Лемкусу мало. Между тем у него появился второй ребенок.

И тут его представили баптистам.

Баптисты интересовались третьей эмиграцией. Им нужен был свой человек в

эмигрантских кругах. Они хотели привлечь к себе внимание российских беженцев.

Баптисты, оценили Лемкуса. Он был хорошим семьянином, не курил и пил умеренно.

Так Лемкус стал религиозным деятелем. Возглавил загадочное трансмировое радио. Вел регулярную передачу "Как узреть Бога?".

Он стал набожным и печальным. То и дело шептал, опуская глаза.

- Если Господу будет угодно, Фира приготовит на обед телятину...

В нашем районе его упорно считают мошенником.

Вот сворачивает за угол торговец недвижимостью Аркаша Лернер.

Видно,

ему что-то понадобилось к завтраку. Какая-нибудь диковинная приправа.

Лернер начинал свою карьеру режиссером белорусского телевидения.

Его

жена работала на телестудии диктором.

Лернеры жили дружно и счастливо. У них была хорошая квартира, две

зарплаты, сын Мишаня и автомобиль.

Аркадия Лернера считали крепким профессионалом. Даже пристрастие к

замедленным съемкам не могло испортить его телеочерков. В них грациозно

скакали колхозные лошади, медленно раскрывались цветы, парили чайки.

Лернера

увлекала гармония как таковая. Его короткометражки

считались

импрессионистскими.

А кругом бурлила жизнь, наполненная социалистическим реализмом.

За

стеной водопроводчик Берендеев избивал жену. Под окнами шумели алкаши.

Директор телестудии был ярко выраженным антисемитом

И Лернеры решили эмигрировать. Тем более что в эту пору уезжали многие.

В том числе и близкие друзья.

В Америке Лернер около года пролежал на диване. Его жена работала

продавщицей в "Александрсе". Сын посещал еврейскую школу.

Лернер мечтал получить работу на телевидении. При этом он был

совершенно нетипичным эмигрантом. Не выдавал себя за бывшего лауреата

государственных премий. Не фантазировал относительно своих диссидентских

заслуг. Не утверждал, что западное искусство переживает кризис.

Друзья организовали ему встречу с продюсером. Тот хотел заняться

экранизациями русской классики. Ему был нужен режиссер славянского

происхождения.

Встреча состоялась на террасе ресторана "Блоу-ап".

- Вы режиссер? - спросил американец.

- Не думаю, - ответил Лернер.

- То есть?

- За последний год я страшно деградировал.

- Но, говорят, вы были режиссером?

- Был. Вернее, числился. Меня тарифицировали в шестьдесят седьмом году.

А до этого я работал помощником.

- Помощником режиссера?
- Да. Это который бегаёт за водкой.
- Говорят, вы были талантливым режиссером?
- Талантливым? Впервые слышу. То, что я делал, меня не удовлетворяло...

- О'кей! Я занимаюсь экранизациями классики.

- По-моему, все экранизации - дерьмо!

- Это комплимент?

- Я хотел сказать, что предпочел бы оригинальную тему.

- Например?

- Что-нибудь о природе...

Тут между собеседниками возникла пропасть. И увеличивалась в дальнейшем

с каждой минутой. Янки говорил:

- Природа не окупается!

Лернер возражал:

- Искусство не продается!..

На том они и расстались. Лернер еще месяца три пролежал без движения.

При этом следует отметить, что его финансовые дела шли неплохо.

Видимо, Лернер обладал каким-то специфическим даром материального благополучия. Вообще я уверен, что нищета и богатство - качества

прирожденные. Такие же, например, как цвет волос или, допустим, музыкальный

слух. Один рождается нищим, другой - богатым. И деньги тут фактически ни при чем.

Можно быть нищим с деньгами. И - соответственно - принцем без единой копейки.

Я встречал богачей среди зеков на особом режиме. Там же мне попадались бедняки среди высших чинов лагерной администрации...

Бедняки при любых обстоятельствах терпят убытки. Бедняков постоянно штрафуют даже за то, что их собака оправилась в неполюженном месте. Если

бедняк случайно роняет мелочь, то деньги обязательно проваливаются в люк.

А у богатых все наоборот. Они находят деньги в старых пиджаках.

Выигрывают по лотерее. Получают в наследство дачи от малознакомых

родственников. Их собаки устаиваются на выставках денежных премий.

Видимо, Лернер родился заведомо состоятельным человеком. Так что деньги у него вскоре появились.

Сначала его укусил ньюфаундленд, принадлежавший местному дантисту.

Лернеру выплатили значительную компенсацию. Потом Лернера разыскал старик,

который накануне империалистической войны занял у его деда три червонца. За

семьдесят лет червонцы превратились в несколько тысяч долларов. После этого

к Лернеру обратился знакомый:

- У меня есть какие-то деньги. Возьми их на хранение. И если можно, не задавай лишних вопросов.

Деньги Лернер взял. Вопросы задавать ленился.

Через неделю знакомого пристрелили в Атлантик-Сити.

В результате Лернер приобрел квартиру. За год она втрое подорожала.

Лернер продал ее и купил три других. В общем, стал торговать недвижимостью.

С дивана он поднимается все реже. Денег у него становится все больше.

Тратит их Лернер с размахом. В основном, на питание.

За двенадцать лет жизни в Америке он приобрел единственную книгу.

Заглавие у книги было выразительное. А именно - "Как потратить триста

долларов на завтрак"...

После завтрака Лернер дремлет, отключив телефон. Даже курить ему

лень...

Я чувствую пролог затягивается. Пора уже нам вернуться к Марусе

Татарович.